

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Поздняков А.В., Орлов А.С. Влияние позитивизма на понимание сущности религии М. О. Меньшиковым (по неопубликованным записным книжкам) // Философия и культура. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.2.71499 EDN: ECKBNK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71499

Влияние позитивизма на понимание сущности религии М. О. Меньшиковым (по неопубликованным записным книжкам)**Поздняков Алексей Васильевич**

ORCID: 0009-0007-7695-8943

кандидат философских наук

сотрудник Академии ФСО России; Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

302015, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35

 pozdnyakovav77@mail.ru**Орлов Андрей Сергеевич**

кандидат исторических наук

сотрудник Академии ФСО России; Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

302015, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35

 orlov-orl@mail.ru[Статья из рубрики "Философия религии"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.2.71499

EDN:

ECKBNK

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2024

Аннотация: Объектом данного исследования выступает мировоззрение известного дореволюционного публициста, мыслителя и общественного деятеля Михаила Осиповича Меньшикова. Предметом исследования является проблема влияния позитивизма на систему взглядов М. О. Меньшикова о сущности и природе религии. В существующих ныне исследованиях говорится о не стабильности его религиозных взглядов, иногда об

их противоречивости на разных этапах его жизни. Также отмечается существенное влияние на мировоззрение Меньшикова позитивизма, одного из значимых культурных направлений XIX века. Однако этот вопрос не имеет детального рассмотрения: в чем конкретно проявилось это влияние, насколько оно было абсолютным. Соответственно, целью нашего исследования становится рассмотрение взглядов Меньшикова о религии с точки зрения их идейных истоков в позитивизме. Материалом исследования выступают ранние дневниковые записи Меньшикова, которые на данный момент не опубликованы и не изучены в подобном контексте. Методологическая база исследования включает как общенаучные (анализ, синтез, сравнение обобщение, каузальный и др.), так и частнонаучные методы (герменевтический, биографический и сравнительно-исторический анализ). Их совокупность направлена на объективное изучение преемственности идей с учетом биографии Меньшикова и исторического контекста, в рамках которого писались личные рассуждения Меньшикова. Научная новизна исследования заключается в выявлении и описании непосредственного влияния позитивизма на мировоззрение Меньшикова в целом и на его представление о религии в частности. Сравнение смысловых структур высказываний мыслителя о религии с ключевыми принципами позитивистов XIX века позволяет заключить, что преемственность идей позитивизма имеет частичный характер. Осмысление религии им строится на бинарном пересечении позитивистских и рационалистических принципов. С одной стороны, Меньшиков, как и многие позитивисты, отказывается от метафизического понимания сущности религии. Он призывает перепроверять ее систему взглядов эмпирическими и точными науками. Но с другой – оставляет за дедуктивным методом решающее значение в сущностном познании. Также принцип эволюционизма сопровождается непринятием агностицизма, который был тогда свойственен позитивистской философии. Это ставит его взгляды в данном вопросе в оппозицию позитивизму.

Ключевые слова:

религия, мифология, Меньшиков, христианство, ислам, религиозное чувство, инстинкт, сознание, позитивизм, мировоззрение

Михаил Осипович Меньшиков — одна из важных фигур дореволюционной публицистики. Будучи одаренным и творческим человеком и имея большой кругозор, он освещал в своих многочисленных статьях, очерках и фельетонах злободневные вопросы своего времени. В его работах читателей привлекал прежде всего аналитический разбор важных событий, который отличался доступностью изложения материала, нестандартностью и часто парадоксальностью. Личность Меньшикова воспринималась современниками столь же противоречиво, как и его статьи. В 1918 году он был обвинен большевиками в «черносотенстве» и расстрелян на глазах семьи с [\[1, с. 452\]](#).

К анализу творческого наследия М. О. Меньшикова обращались разные специалисты. В их работах в качестве предмета изучения выступали те или иные аспекты его творчества: литературно-критическая деятельность (Крижановский Н. И., Рейтблат А., Санькова С. М., Трофимова В. Б.), политические взгляды (Иванов А. А., Каграманов Ю., Камнев В. М., Крижановский Н. И., Репников А. В., Санькова С. М., Смолин М. Б., Толстенко А. К., Шлемин П. И.), размышления об эстетических и нравственно-духовных ценностях, социальные и экономические взгляды (Вахнина Е. А., Жаворонков Д. В., Зверев Н. В., Орлов А. С., Филаткина Н. А.). В отдельную группу следует выделить

работы о религиозных взглядах публициста. Они анализировались Ивановым А. А., Филаткиной Н. А., Саньковой С. М., Орловым А. С. и другими авторами. Ни один вопрос не вызывал столько дискуссий, как этот. Уже при жизни мировоззрение, которое он демонстрировал в своей публицистике, вызывало у церковных критиков то восторженные отклики (например, у митрополита Антония (Владковского), частично у архиепископа Антония (Храповицкого)), то жесткую негативную оценку (у архиепископов Никона (Рождественского), Николая (Зиорова))[\[2, 3\]](#). Современными исследователями также подчеркивается неоднозначность позиции Меньшикова относительно церкви и веры[\[4-7\]](#). Как было выявлено в ряде недавних работ, Меньшиков на раннем этапе своего творческого пути имел склонность к вольномыслию, критическому отношению к любым социальным явлениям или процессам: политике, экономике, религиозно-духовной жизни[\[8, 9\]](#). Среди многочисленных исследований также есть те, которые отмечают влияние позитивизма на его творческую деятельность, литературные вкусы и мировоззрение (работы Зверева, Иванова, Трофимовой, Орлова, Саньковой, Крижановского). Несомненно, в XIX столетии идеи позитивизма были широко распространены в России. Имея отличительную черту — критическое отношение к господствующим духовным ценностям, — данная философия часто вступала в конфронтацию с традиционной религиозной доктриной и церковью. На сегодняшний день степень изученности роли позитивизма на взгляды Меньшикова остается недостаточной.

Актуальность исследования обусловлена как отсутствием консенсуса среди исследователей в вопросе о религиозности публициста, так и необходимостью изучения влияния идей позитивистского движения на российскую интеллигенцию и духовные процессы в обществе в целом. Ни мировоззрение Меньшикова, ни его политические идеи, как и сама его личность, не могут быть адекватно поняты без его представлений о религии.

Эта статья имеет своей целью дать анализ взглядам М. О. Меньшикова на сущность религии с позиции влияния на них позитивизма, одного из важнейших научно-философских направлений мысли XIX столетия.

Материалом исследования выступают записные книжки Меньшикова с очерком, которому он дал название «Мироозерцание» (написан между 1884-1885 годами), и другие ранние дневниковые записи (датируются также 1880-ми годами), на данный момент не опубликованные и не изученные в подобном контексте.

Методы исследования включают: герменевтический, каузальный, биографический и сравнительно-исторический анализ.

Понятие религии многогранно. XIX век ознаменован многочисленными попытками преодоления не только религиозно-традиционных формулировок сущности религии, но и классических философских. Возникают новые подходы понимания религии и сверхъестественного: иррациональный, материалистическо-диалектический, позитивистский, спиритуалистический, позднее — феноменологический. Чтобы выявить влияние позитивизма на Меньшикова, нужно рассмотреть, что общего и различного между этой философией и идеями в его ранних дневниковых записях.

В самом начале своего очерка «Мироозерцание» Михаил Осипович пишет два эпиграфа, в которых отражен центральный смысл работы: «Если это предрассудок, он должен быть опровергнут, если эта истина, она должна быть доказана»; «Уславливайтесь в одинаковом понимании терминов, по крайней мере основных»[\[10, л.](#)

[\[1\]](#). Тем самым он подчеркивает, что главная задача очерка — формулировка четких и разумно обоснованных положений собственного мировоззрения, взглядов на реальность и сущность вещей. Результат систематизации подобных идей Меньшиков называет миросозерцанием. Четкие и обоснованные положения он стремится дать и в отношении религии. Уже в самом начале очерка виден нетрадиционный подход к пониманию ее сущности. Он считает, что любое миросозерцание по своей природе является религией. То есть система идей и ценностей, которая наполняет жизнь каждого из нас, несет в себе долю религиозности, которая проявляется в трепетном отношении к этой системе. Именно данный момент часто оказывается вредным для развития как самого человека, так и общества, ибо таит в себе вражду к перестройке идей, а значит, и системы в целом. Меньшиков связывает вражду с ограниченностью людей и отсутствием в них «необходимых мозговых сил». Итогом становится застаивание миросозерцания, в то время как работа над усовершенствованием его форм помогает саморазвиваться, находить в области неизвестного новые факты, приближаться к решению мирового вопроса [\[10, л. 2\]](#). В подобном ключе Меньшиков раскрывает свое видение сущности религии.

Осмысление этого вопроса протекает с применением ряда подходов и принципов. Выделим их в результате анализа записей Михаила Осиповича. Первый можно обозначить как эволюционизм, убежденность в медленном и поступательном развитии явлений мира. Этот принцип был визитной карточкой позитивистов. Для Меньшикова очевидно эволюционное становление окружающего мира, вещей и явлений в нем. И религия не исключение из правил. Свою теорию развития религии он строит, как и многие позитивисты, с опорой на социологические и исторические учения. Религия имеет социальную природу: она зарождается в обществе и развивается в нем. Соответственно, Меньшиков отрицает божественность любой религии. Согласно его мнению, они изменяются в условиях социальных перемен, подстраиваясь под культурные, социальные и политические нужды общества. Этим объясняется, например, живучесть христианской религии, несмотря на утопичность идей ее основателя Иисуса Христа. По мнению Меньшикова, понимание одной из центральных заповедей Иисуса — любить ближнего как самого себя — трансформировалось на протяжении истории христианства. И тот возвышенный смысл заповеди, с которым человечество имеет дело сегодня, есть заслуга не самого Христа, а романтиков XVIII–XIX веков, которые переоткрыли ее в духе своего времени. В свою очередь, мировосприятие романтиков было подготовлено культурным прошлым — Ренессансом и псевдоклассицизмом. После мрака Средневековья, которое не может похвастаться человеколюбием, «этая идея воскресает не из недр самого христианства, а вместе с семенами истинной культуры из забытых развалин язычества: поколения гуманистов, Эразма, Рейхлина и пр.» [\[10, л. 11\]](#). «Только с потоком света, хлынувшим из антично-прекрасной старины — сквозь окошко Возрождения, — забился пульс Европейца, возмутилась его даровитая природа, и ему захотелось человеческого счастья, которое в красоте, в мире и нравственном благородстве» [\[10, л. 11, об. 1\]](#). Однако для Меньшикова это всего лишь «свежее впечатление в первый раз сознательно прочитанного Евангелия», впечатление людей, еще мистически мыслящих и «влюбленных в своего идола-Бога как ребенок в свою мать» [\[10, л. 11, об. 1\]](#). Свои же взгляды он относит к новому, зрелому периоду развития человеческой культуры — реализму. Здесь стоит отметить, что понятие «реализм» часто отождествлялось русскими мыслителями-просветителями второй половины XIX века с позитивизмом. Популяризатор реализма Д. Писарев реалистами называл новое поколение образованных людей, которые, опираясь на свой опыт, на факты и естественнонаучную методологию, а не на вымысел, продвигают в обществе

действительно полезные знания [11]. Писарев применял данный термин чаще для осмыслиения истории культуры и эстетических канонов. Например, господствующую в России эстетику он характеризовал как застойное явление русской культуры, указывая на внутренне присущее ей стремление к иллюзорности и фантазерству, пусть и возвышенному. Такая установка отрывает от реальности, не дает практической пользы и не решает социально важных проблем народа как носителя данной культуры. Писаревская трактовка реализма со временем выходит далеко за рамки эстетики и оказывается плодотворной для критики любых форм социокультурной жизни. Этот подход имеет отражение и в критике религии Меньшикова.

В контексте эволюционного понимания развития религии существующие традиционные религиозные системы объявляются им застальными, потерявшими свою актуальность миросозерцаниями. Меньшиков не видит особой онтологической разницы между сакральным и секулярным мировоззрениями. Он отрицает сверхъестественный мир, но считает их этапами одной линии развития мировоззрения человечества. Разница касается только познавательного потенциала этих систем. Здесь видно сильное влияние контизма. Меньшиков убежден в необходимости обновления любого миросозерцания. «Религия, как и все на свете, постоянно нуждается в развитии, проверке и перестройке» [10, л. 1, об.]. Проблема обновления неизбежно подводит к выработке принципов, тесно связанных с гносеологической проблематикой.

Поэтому следующий принцип, который следует выделить в записях Меньшикова, это антиметафизика. Она, как и эволюционизм, обрела популярность в XIX веке, но широкое применение получила в творчестве позитивистов. О. Конт и Г. Спенсер считали, что эпоха метафизики подошла к концу и что суждения метафизиков не могут адекватно защитить их философскую позицию [12, с. 221]. Это критика касалась как спиритуалистических, так и материалистических философских школ.

В мыслях Меньшикова антиметафизика видна прежде всего в онтологических рассуждениях о начале бытия. Так, в разделе «О началах» «Миросозерцания» он пишет о Мировой сущности, которая не отождествляется им ни с Богом, ни с материей. Теологическую модель Бога-Абсолюта как не зависящего от этого мира существа Меньшиков отвергает. Публицист также подвергает критике пантеистические концепции, стремящиеся из-за «малодушия и неряшливости» отождествить Мировую сущность с Богом [10, л. 22]. «Вы скажете: ведь не все вещи доступны органам наших чувств: есть вещи логически-мысленные, и существования их мы не можем отрицать из-за того лишь, что их никто не видел. Совершенно согласен. Вещи мыслимые логически отрицать вовсе нельзя. Но заметьте: и доказывать их существование нельзя. Предположим на минуту, что Бог мыслим логически. Что же из этого? Останется сказать себе: может Бог и существует, а может быть и нет, и пока эта троекствость не разрешена, я не смею быть уверенным, что Бог существует» [10, л. 20]. Исходя из этого принципа природа религии кроется в человеческой способности воображать, что проявляется в теоретизировании, оторванном от эмпирических методов познания. На данной основе он критикует и метафизический материализм.

Однако, применяя эти принципы позитивизма, Меньшиков не соглашается с другими установками позитивистской школы. Так, позитивизм говорил о возможности познания только в рамках чувственного опыта, не признавая познания сверхчувственного. Здесь стоит уточнить, что сверхчувственное — необязательно мистическое в религиозном или магическом понимании. Сверхчувственное знание касается той реальности, которая стоит за дилеммой материального и духовного, и сущность ее, согласно философским

школам с гносеологическим оптимизмом, дана в рациональном познании. Невозможность понять и выразить сверхчувственное привела позитивизму к агностицизму. Но позиция Меньшикова кардинально противоположна. Важным пунктом «Мироизречания» является гносеологический оптимизм автора и отрицание агностицизма. Для него познание есть прежде всего долгосрочный процесс: то, что не познано сегодня, будет познано завтра. «Процесс Разума состоит в том, чтобы приобретать все большее количество идей, завоевывать территорию природы... Разуму, если не теперь, то в будущем, с развитием и завершением точной науки достижимо т. н. божеское ведение, божеская мудрость» [\[10, л. 27, о6.1\]](#). Идея об условности и ограниченности разума в познании им расценивается как «грубое недоразумение». Эта установка на принципиальную познаваемость ложится и в основу анализа и оценки религии. Здесь чувствуется «оккамовская бритва», отсекающая ненужные категории спиритуализма, такие как Бог, дух, душа и т. д. Так, Меньшиков пишет: «Слова „Дух“, „духовное“, „трансцендентное“ мне представляются просто игрою и ошибкою мозга» [\[10, л. 28\]](#). «Раз я признаю мир сущностью единою, не требующей ни для происхождения своего, ни для сохранения особого, внemирового существа, та же самая логика пригодна для существования частных организаций: ненужности душ для живых организмов» [\[10, л. 28, о6.1\]](#).

Принципиальная познаваемость явлений мира и отрицание божественной природы религии делают сущность последней познаваемой в контексте истории. Божественный элемент не обнаруживает себя в природе, скорее наоборот — религия функционирует по законам естественного отбора и борьбы за существование. Меньшиков специально делает акцент на присутствии насилия в процессе распространения религиозных систем [\[10, л. 10–11\]](#). При этом он справедливо отмечает, что распространение христианства в XIX веке «*крайне ничтожно, так как распространить его мерами византийских императоров, германских королей или Добрыни Никитича нынче уже совестятся*» [\[10, л. 10\]](#). Критике подвергаются в первую очередь крестовые походы и религиозные войны христиан, преследование евреев, арабов, еретиков и язычников, конкиста в Америке, приведшая к геноциду местных племен. Данные исторические факты не могут не возмутить Меньшикова. «*Идею любви к ближнему христианское человечество не только перепачкало в окровавленных руках, но и задушило ее этими окровавленными руками*», — резюмирует он.

Другими причинами распространения религии, согласно Меньшикову, является поиск выгоды или манипуляция необразованными людьми. В первом случае речь идет о добровольной смене родной веры, например евреями и татарами. Данный фактор срабатывает чаще всего там, где перемена веры не считается преступлением. При этом «*наивная легенда окрещении князя Владимира, когда он торговался с хазарами, жидами и греками*» расценивается Меньшиковым именно в подобном меркантильном контексте.

Во втором случае речь идет об использовании религиозных догматов с целью руководить массами. Соглашаясь с идеями Ауэрбаха о роли церкви в закрепощении людей, он дополняет их своими размышлениями. В духе волюнтаризма того времени Меньшиков критикует духовенство за то, что оно много сотен лет проповедовало покорность деспотам, обожествляло их, противостояло всякой попытке к освобождению и душило искру здравого человеческого рассудка и протesta. При этом публицист признает такое поведение духовенства естественным ходом вещей. «*Я никоим образом не осуждаю духовенство за его тлетворную роль в истории. Хищничество вполне естественно и зависит от существования и несуществования пригодной стихии для него*» [\[10, л. 12, о6.1\]](#). Подобной стихией для Меньшикова является сознание толпы, раскрываемое им в таких фразах, как

«тупое человеческое стадо», «панургово стадо», внутренне пригодное для рабской доли. Подобная разрозненность видна в идеях и делах церкви. Потому что идеалы христианской церкви нежизнеспособны и не соответствуют ходу вещей. В этом смысле ислам ему видится более приспособленной к исторической реальности системой.

Уже в ранних дневниках Меньшикова видна склонность не идти на компромисс с религией. В этом пункте автор дневника больше созвучен с французским позитивистом Э. Литтрэ, чем с английскими позитивистами. Литтрэ также не придерживался нейтралитета в отношении религии и был склонен к материализму [13, с. 52]. Напомним, что английские позитивисты, подвергая атакам теологию, признавали религиозное чувство естественным явлением. Так, Томас Гексли, снискавший прозвище «бульдог Дарвина» за свою ярую приверженность дарвинизму, полагал, что религиозный инстинкт присущ каждому человеку. Глубокое осознание этого приходит к нему во время похорон маленького сына, очем он пишет в письме к Чарльзу Кингсли, английскому проповеднику и писателю. Но при этом Гексли все равно подчеркивает, что «глубокое чувство религии совместимо с полным отсутствием теологии» [14, с. 237].

Другие позитивисты, например, Спенсер и Милль, являясь агностиками, признавали возможность существования чудес и божественного творца. Например, Спенсер полагал, что основа религии заключается не в богословии и догмах, а в чувствах, которые пробуждаются в человеке по отношению к Непостижимой силе. Постижение, анализ, формулировка природы этой Таинственной силы выходят за пределы досягаемости интеллекта, который ограничен пониманием относительного и конечного [15, с. 8]. Милль же, считая религию строго научным предметом изучения, в то же время не отрицал возможности чудес. Так, утверждая, что нет ничего невозможного, он рассматривал, с одной стороны, все положения против возможности существования чудес, а с другой – все доводы в их пользу [16]. Надо заметить, что Меньшиков восторженно оценивал трактат Милля «О свободе», где были изложены некоторые идеи о религии. Но основной труд Милля по вопросам религии был представлен в сборнике из трех эссе: «Природа», «Польза религии», «Теизм», вышедшем в 1874 году и до сих пор не переведенном на русский язык. Смог ли Меньшиков ознакомиться с данными эссе на языке оригинала или каким-либо иным способом, неизвестно.

Будучи социально активными, позитивисты стремились примирить науку и религию через создание гуманистической религии, основанной на научных знаниях [17]. Этой идеей был одержим еще Огюст Конт, однако в авторских интерпретациях Спенсера, Харрисона и Милля идея создания новой религии человечества имела ряд противоречий. Так, известен спор Спенсера и Харрисона. Последний отрицал спенсеровское положение о Непознаваемом первоначале. Он утверждал, что попытка найти что-либо похожее на общий и правдивый элемент в религиозных системах тщетна. Доктрина непознаваемого – это всего лишь тщетная попытка обожествить Абсолютное Ничто. Непознаваемое – бесплодная абстракция, в ней нет ничего религиозного, и поэтому она совершенно бесполезна как основа религии [15, с. 91]. Поэтому Харрисон представляет свою доктрину гуманистической религии. Уже к 1877 году назрел раскол среди позитивистов на почве недовольства деятельностью Р. Конгрива, главы философско-религиозного общества позитивистов, который хотел представить учение Канта как новое Откровение.

Однако для Меньшикова никакое примирение совершенно несовместимых, как ему тогда казалось, миросозерцаний (науки и религии) было невозможно. Поэтому он принял более радикальную позицию: стал критиковать не только институт церкви, но и сам

феномен религиозности. Для Меньшикова если и есть религиозный инстинкт, то это инстинкт нездоровий. Самыми настоящими здоровыми инстинктами могут быть только животные инстинкты, как первоначальные и данные человеку самой природой. Интересны его рассуждения на эту тему в одном из ранних дневников: «Собственно говоря, — пишет он, — человек и теперь живет, когда живет — животными инстинктами: иными инстинктами он только болеет. Все не животное есть не живое: идея о Боге, как о деятеле вне природы, идеи о жизни, как о времени вне нашего реального бытия, идеи об искусстве вне вещей и целей, о религии для религии и прочих абсолютах» [\[18, л. 103\]](#). По мнению Меньшикова, естественная логика животного не признает ничего, кроме природы. Поэтому ранние формы религии естественны, ибо бог дикаря есть сама природа, а потому он родственен дикарю с его слабостями и качествами. Появление вопроса о смысле существования мира, с позиции публициста, есть отклонение от нормы, здоровому мозгу никогда не придет вопрос «Зачем?», но он задастся вопросом «От чего?». Стоит сказать, что Меньшиков не всегда последователен в своих позициях. С одной стороны, он имеет тягу к естественному, даже дикому. «Домой! К природе!» — звучит его призыв в дневнике за 1882 год [\[18, л. 104, об.1\]](#). С другой стороны, когда вопрос касается анализа религии, в основу критики им кладется негативное отношение к дикости и восхищение цивилизацией. Это хорошо видно в попытке понять происхождение монотеизма. Применяя эволюционный подход к данной проблеме, он не соглашается с распространенной тогда теорией, что монотеизм более высокая ступень религиозности, чем политеизм. Он своим пытливым и острым умом находит брешь в существующих исследованиях и справедливо указывает на факт зарождения и распространения монотеизма как раз-таки у племен кочевников с низшей культурой (евреев и арабов). В то время как высокоразвитый политеистический мир эллинов и римлян дает человечеству все необходимое для развития: медицину, философию, логику, каноны красоты, учение о добродетелях. Хотя Меньшиков и говорит, что вопрос о происхождении монотеизма довольно темен, он, сам того не замечая, склоняется к идеи о его происхождении из политеизма, когда указывает на систематическое отпадение иудеев от веры в единого бога как на что-то естественное.

Критике подвергается также и Г. Спенсер, точнее его суждение, что идея о Боге, будучи достоянием миллионов людей, может служить сильным аргументом в пользу самой идеи. Живучесть идеи о едином Боге объясняется им на примере живучести других предрассудков, которые часто могли сопутствовать ей [\[10, л. 22\]](#).

Однако следует заметить схожесть Меньшикова с Литтре не только в вопросе понимания сущности религии. Меньшиков (специально или нет — неизвестно) повторяет глубокую мудрость Литтре в веротерпимости, которую начинает практиковать в семье после женитьбы. Литтре относился с уважением к религиозному чувству своей жены, которая, по описанию современников, была «очень умной, с преданной душой» женщиной [\[13, с. 10\]](#). Он сам воспитывал дочь и к ее убеждениям относился так же деликатно и нежно. Подобным же образом Меньшиков не стремится затрагивать религиозных убеждений любимой супруги, не вмешивается в религиозное воспитание детей, осуществляемое с ее стороны, и даже посещает богослужения со всей семьей. Но в душе он мучается поиском нового мировоззрения.

Из подобной жесткой критики религии логичным образом вытекает вопрос: на чем же построится новая система мировоззрения, которая должна прийти на смену религии? Меньшиков М. О., отвечая на него, говорит, что пришедшая на смену система знаний будет опираться не только на чувственный опыт, но и на разум. Меньшиков не

поддерживает позитивистское отрицание дедуктивного метода познания. Соответственно, еще одна отличительная особенность его миросозерцания — признание положительной роли дедуктивного метода в изучении вещей, существующих в мире. В отличие от контовского подхода, который ориентирован больше на индуктивную методологию, Меньшиков признавал полезность дедукции в построении научно-философского обобщения, а значит, и мировоззрения. Любителям абсолютизировать индуктивный метод познания публицист противопоставляет следующие свои суждения: «Но вы скажете: ведь это противоречит научному, аналитическому методу? Ведь научный метод — „от частного переходить к общему“? Противоречия на самом деле нет: простое изучение мира и свод добытых этим изучением истин должны иметь процессы различного характера: дедукция, как известно, и начинает, и заканчивает мышление» [10, л. 6]. Дедукция помогает выстроить «общий архитектурный план» постройки собственного взгляда на мир, а частные науки дают для реализации этого плана ценный «строительный» материал. Меньшиков сознается, что на месте запланированного пока что находятся «грубые, допотопные и вредные постройки, обветшальные миросозерцания иудейско-римско-славянского некультурного склада». «Место завалено мусором и этот мусор необходимо вывезти» [10, л. 6, об.] . Как видно из этих признаний, Меньшикову нелегко дается избавиться от старых мировоззренческих клише, несмотря на резкую критику религии и ее ценности для человека. Публицист в своем очерке много размышляет о религии, и в этих рассуждениях он одновременно и близок, и далек от позитивизма.

Стоит отметить, что контовская установка на чистый эмпиризм у многих русских мыслителей XIX века вызывала сомнение и критику. Так, Огарев после посещения лекций О. Конта в 1845 году, несмотря на свое восхищение философом, все же не был удовлетворен до конца его системой соотношения эмпирического и рационального знания [19, с. 69]. То же самое можно сказать и о Герцене с Белинским, требовавших рассматривать опыт и разум в единстве [19, с. 70, 74]. Разные идеи позитивизма находили свое отражение в работах Чернышевского, но и этот мыслитель, отец русской школы «разумного эгоизма», был склонен больше к рационализму. В философских рассуждениях Меньшикова о познании чувствуется большое сходство с идеями мыслителя и публициста П. Л. Лаврова. Последний также стремился к построению целостного знания на разуме, критиковал некоторых коллег по перу за слепое поклонение эмпиризму. Те, в свою очередь, отвечали ему весомой критикой. После опубликования статьи «Три беседы о современном значении современной философии» к Лаврову пристало прозвище «метафизик», которую дали ему ярые приверженцы позитивизма Писарев и Антонович [20, с. 28]. Подобное можно объяснить тем, что многие мыслители-западники, впитав в 1850–1860-е годы идеи рационализма, не спешили расставаться с верой в силу человеческого разума.

Отсюда иное интерпретирование Меньшиковым научного подхода изучения и понимания мира или какой-нибудь вещи в нем, в том числе и религии: для этого надо знать не их частности, а общую идею, но общее всегда должно познаваться через изучение частности [10, л. 1]. «Вне Разума для человека нет и не может быть доступного возможного средства познания» [10, л. 4]. Таковы установки его философского сциентизма. Согласно убеждению Меньшикова, объективным знанием может считаться только то, которое содержит в себе основу данных научного метода или хотя бы апеллирует к нему. В связи с этим любые другие знания, в том числе религиозно-мистические, отпадают из-за своей отсталости. «Лучшего, глубочайшего познания, чем

даст нам наука, не может быть», – пишет автор [\[10, л. 27\]](#). В своем очерке Меньшиков демонстрирует хорошую осведомленность в последних достижениях разных наук того времени: физики, биологии, физиологии, психологии. Центральной установкой всего «Мироизречания» является принципиальная познаваемость явлений мира, осуществляющаяся разумом с помощью науки. Анализ «частностей» религии (способов ее распространения, развития и изменения ключевых ее концепций, личности основателей конкретных форм религиозности, исторического контекста функционирования религии, ее отражения в массовом сознании и др.) подводит Меньшикова к общей идеи о сути религии. Для него религия есть комплекс устаревших взглядов на мир, имеющий свой исток как в недостоверных ощущениях, так и в поврежденном инстинкте человека. Тем не менее Меньшиков не причисляет себя к атеистам. Например, в одной из дневниковых записей от 1883 года он высказывает следующее: «Я не атеист, и не все умы столько поработали над исканием Бога, сколько поработал я. Однако я смело говорю, что все религии ничего общего с Богом не имеют и иметь не могут» [\[21, л. 33\]](#).

Согласно анализу более поздних дневниковых заметок, Меньшиков в дальнейшем также остается верен выбранному пути осмысливания сути религии, однако радикальная критика конфессиональных форм религиозности заметно утихает, богоискательство объявляется естественной необходимостью человека. «Создавать Бога, открывать его – не прихоть, а органическая потребность человека», заявляет он в одной из своих записей. «Религия, конечно, есть не то, чему учит церковь с ее богословами и соборами. В действительности церковная религия есть только форма практической религии, ее язык, ее материальное выражение» [\[22, л.11\]](#). Близкое знакомство Меньшикова с писателем Л. Н. Толстым и его учением позволяет ему дополнить свое понимание религии в качестве естественного нравственного чувства [\[22, л. 11 об\]](#). Однако в дальнейшем он порвет с учением Толстого и подвергнет жесткой критике ряд его положений. Также интересны попытки публициста осмыслить природу молитвы с позиции естественных причин, что отражено в его записях от 1890-го года. Он признает действенность молитв, но связывает это не с мистическим влиянием божества, а с важными природными компонентами, присутствующими в ней: сильной, сосредоточенной волей, сильным желанием, страстной мыслью, возбужденным чувством [\[23, л. 27\]](#).

Научно ориентированное знание остается в прерогативе и в последующие годы, о чем свидетельствуют дневниковые записи от 1917 года. Согласно Меньшикову, чудеса возможны только в рамках естественных законов. «Такого Бога, творящего неестественные чудеса, в мире нет. Нет в мире Бога, действующего по своей или по нашей прихоти, склоняющегося к нашим мольбам, курениям и сожжении свечей. Человечество молится в пустое пространство» [\[24, с. 294\]](#). Утопичность идеи Христа о всеобщей любви людей друг другу уже не высмеивается им, а переосмысливается в контексте научно-технических достижений его времени. С этой целью Меньшиков сравнивает реализацию заповеди любви Иисуса Христа с развитием воздухоплавания. Призывы проповедников ко всеобщей любви ставятся публицистом в один ряд со сказками про Икара и о «ковре-самолете», которые наполнены порывом мечтаний о невозможном. «Мечтать подобно Христу и всем вероучителям до Льва Толстого, будто стоит сказать: «Любите друг друга», как это и явится, – просто наивно. Это все равно, что сказать: летайте по воздуху! Целые тысячелетия люди признавали возможность летать по воздуху, создавали сказки об Икаре и Ковре-самолете, – но дальше сказок дело не пошло. Явились братья Райты и построили летательную машину» [\[24, с. 295\]](#). Предаваться одним грезам недостаточно, нужно прикладывать волевое и интеллектуальное усилие, чтобы достичь поставленной цели. «Такой любви Божией,

такого способа спасения нет, не было и не будет, а есть другая любовь и другой способ, установленный навсегда. Хотите блаженства — достигайте его сами, пользуясь своим разумом и своей любовью» [\[24, с. 294\]](#). Поэтому становление добродетельного общества возможно только через реализацию социальных программ, а не через ритуалы и обряды.

В своих публичных статьях Меньшиков не озвучивал прямо свои идеи. Более того его ранние книги, а также статьи и фельетоны, написанные им в журнале «Неделя» и в первые годы его работы в газете «Новое время» наполнены христианским смыслом. Например, христианским духом пронизаны такие его работы, как «О любви» (1899), «О здоровии народном» (1902), «Кто ближний мой?» (1902), «О гробе и колыбели» (1902), «Родина и герои. Вербное воскресение» (1902), «Вечное воскресение» (1904). В них «Священное Писание» предстает как «нечто священное — по мудрости и красоте» [\[25, с. 123\]](#), Христос — нравственным идеалом, а христианство — религией света, в противовес мрачному язычеству. При этом публицист примиряет религию и науку, что сильно напоминает позицию позитивистов. «Для меня неоспоримо, — пишет Меньшиков, — что истинная наука в корне своем религиозна, и, открывая познания в глубине природы, она ведет нас к Отцу светов, куда все мы безотчетно, как цветы к солнцу, обращены душой» [\[26, с. 24\]](#). Его статьи вызвали восторженные отклики со стороны некоторого духовенства, в том числе митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), который назвал публициста человеком, понимающим, что такое настоящий христианин [\[25, с. 10\]](#). Изменяет ли Меньшиков самому себе в подобных статьях? Ответ однозначный: нет. Публицистика для Меньшикова становится своеобразной «кафедрой», с которой он проповедует современникам свои идеи. Он использует те культурные символы, которые понятны и близки среднестатистическому читателю. Это способствовало формированию иллюзии, что Меньшиков был глубоко православным человеком. Но его «религиозность» не церковная, и даже не христианская, она надконфессиональная. Для него божественный закон выражается в определенных положительных качествах людей: «правдивости, честности, незлобии, бескорыстии и благородства» [\[25, с. 128\]](#), и он закладывается в людей независимо от их конфессии и исторической эпохи. Меньшиков указывает на то, что многие дикие племена обладают набором подобных качеств. «В их жизнь и самые души как бы уже вложен вечный закон Христа, — рассуждает Меньшиков в своем очерке «Проповедано ли Евангелие?», — и миссионерам остается не учить, а порою учиться у них». «Вполне определенно нравственная правда христианства выразилась еще в язычестве: в учениях Зороастра, Будды, Лао-Цзы, Сократа, стоиков. В глубине масс народных, когда жизнь их слагалась в формы вполне здоровые, неизбежно возникала та самая правда жизни, которую принес Христос» [\[25, с. 128\]](#).

В ином месте он также пишет: «Вера народная — бессмертная душа народная, и не все ли равно, что возбуждает жизнь души: букетик цветов, приносимый перед статуей Будды, или вот это пение: «Да исправится молитва моя» в голубом кадильном дыме? Кто к чему привык, кто с чем сросся» [\[25, с. 72\]](#).

В поздних фельетонах Меньшиков более открыто выражает свои настоящие взгляды. Все ярче в его статьях прослеживаются намеки на естественную религиозность. Используя традиционные символы и понятия русского православия, он по-своему наполняет их смыслом. Это не могло остаться не замеченным консервативными и церковными кругами. Известна сдержанная критика его идей архиепископом Антонием (Храповицким). Иерарх в своей статье «Нравственность черного и белого духовенства» восторженно принимает патриотизм Меньшикова, его рвение преобразовать духовную жизнь России, но при этом

отмечает, что публицист далек от реальной церковной жизни, чтоему «чуждарелигиозность, чуждохристианство, чуждыцерковьимолитва» [27, с. 455]. Более жесткая критика в адрес публициста осуществлялась архиепископом Никоном (Рождественским). Никон признается, что Меньшиков напоминает ему «маятник, который качается из стороны в сторону», так как публицист в своих фельетонах дает противоречивые идеи: «то уверяет, что христианство становится пережитком и на смену ему идет язычествующий буддизм; то стоит за веру в Бога, хотя о христианстве прямо не говорит» [28]. Никон тонко подмечает, что религиозные понятия публицист использует, осторожно подменяя их христианское содержание иным, то светским, то «языческим». Так, понятие веры Меньшиков специально сводит к самовнушению, к нравственной вере в себя, воспитанной многовековыми внушениями религии, а под «Священным Писанием» понимает слова любой книги, повлиявшей благотворно на развитие цивилизации. В одном ряду оказываются и Авеста, и Илиада, Коран и Библия. Соответственно, ценность веры, а вместе с ней и религии признается Меньшиковым не столько с позиции истины, сколько с позиции пользы для нравственного целительства общества. В этом пункте он близок к позитивистам, которые, как мы говорили выше, стремились создать гуманистическую религию. Меньшиков придет к подобной идеи сравнительно позже позитивистов, когда начнет активно участвовать в общественно-политической жизни страны и сформулирует программу «Всероссийского национального союза».

Итак, из всего выше изложенного мы можем сделать некоторые заключения. Важно отметить, что слово «религия» в ранних дневниковых записях употребляется Меньшиковым в узком и широком смысле. В общепринятое узком смысле религия понимается им как верование в сверхъестественное. В широком — как любая система мировоззрения, имеющая ценность и играющая важную роль в жизни отдельного человека или социальной группы. Влияние позитивизма на формирование взгляда Меньшикова на сущность религии не было абсолютным. Здесь мы видим слияние позитивистских и рационалистических принципов. Осмысление религии им строится на их бинарном пересечении. С одной стороны, Меньшиков отказывается от метафизического понимания сущности религии, перепроверяет ее космологию эмпирическими и точными науками, но с другой — оставляет за дедуктивным методом решающее значение в сущностном познании. Принцип эволюционизма сопровождается непринятием агностицизма, который был тогда свойственен позитивистской философии. На наш взгляд, именно подобное соотношение принципов приводит Меньшикова на раннем творческом этапе к позиции радикального отказа как от любого религиозного (теологического) теоретического знания, так и от религиозного чувства вообще, что ставит его взгляды в данном вопросе в оппозицию позитивизму. Однако в поздний период своего творчества Меньшиков имеет прагматическое отношение к вере и религии, что связано с его общественно-политической деятельностью, с осознанием необходимости создания идеологических основ, способных сплотить разные слои российского общества.

Библиография

1. Начапкин М. Н. «Письма к ближним» консервативного публициста М. О. Меньшикова как источник по истории российской повседневности начала XX века / М. Н. Начапкин // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 450–464.
2. Иванов А. А. Православный консерватизм архиепископа Никона (Рождественского) против «язычествующего» национализма М. О. Меньшикова // Христианское чтение. – 2019. – № 4. – С. 193–206.
3. Николай (Зиоров), архиеп. Беседа, сказанная в г. Млаве в местной церкви после

- обедни – перед молебном // Варшавские беседы и речи архиепископа Николая (1910 г.). Вып. 3. – СПб : Государственная типография, 1911. – С. 70–75.
4. Каграманов Ю. Меньшиков столетие спустя / Ю. Каграманов // Посев. – 2000. – № 12. – С. 17–20.
5. Поспелов М. Б. Темы Церкви и веры в жизни и смерти М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере).-М.: Русский вестник, 2003. – С. 6–17.
6. Репников А. В, Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – С. 289–295.
7. Санькова С. М. Партия русских националистов и её идеолог М. О. Меньшиков о проблемах Русской Православной Церкви и путях их преодоления // Ортодоксия. – 2021. – № 4. – С. 109–134.
8. Орлов А. С., Поздняков А. В. Эволюция религиозных взглядов публициста Михаила Осиповича Меньшикова // Ученые записки Орловского государственного университета. – № 4. – 2023 г. – С. 100–108.
9. Орлов А. С., Поздняков А. В. Экзистенция и трансцендентное: коммеморация аутентичных взглядов публициста-философа Михаила Осиповича Меньшикова (по материалам неопубликованных записных книжек) // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты. – Пенза, 2023. – С. 37–62.
10. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 50.
11. Писарев Д. И. Литературная критика : в 3 т. / Д. И. Писарев : [сост. Ю. С. Сорокина]. [Электронный ресурс] – Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1981. Т. 2: Статьи 1864–1865 гг. Т. 2. – 1981. – 456 с. – URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml (дата обращения 12.07.2024).
12. Спенсер, Герберт. Синтетическая философия: Пер. с англ. / Герберт Спенсер. – К.: Ника-Центр, 1997. – 512 с.
13. Каро Эльм Мари. Э. Литтрэ и позитивизм (Пер. с фр.) – М.: типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1884. – 90 с.
14. Huxley, Leonard (ed.) (1900). Life and Letters of Thomas Henry Huxley. Vol. 1, p. 237. New York: D. Appleton & Co.
15. The Nature and Reality of Religion : A Controversy Between Frederic Harrison and Herbert Spencer. New York: D. Appleton and company. 1885.
16. Корсаков А. И. Религиозные аспекты утилитаризма Джона Стюарта Милля // – Мир современной науки. – 2012. – № 2. – С. 48–59.
17. Bryson, Gladys. Early English Positivists and the Religion of Humanity. American Sociological Review. 1936. vol. 1. № 3. 343–362.
18. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 16.
19. Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века / П. С. Шкуринов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 416 с.
20. Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы [Текст]: в восьми томах / П. Л. Лавров; подгот. к печати, comment., примеч., биогр. и библиогр. очерки И. С. Книжника-Ветрова. – М.: Всес. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Том 1: 1857–1871. – 1934. – 518 с.
21. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 13.
22. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 21.
23. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 24.
24. Орлов А. С. «Христианство не удалось». «Путь спасения». Фрагменты дневников М. О. Меньшикова // Вестник архивиста. 2012. – № 3. – С. 289–298.
25. Меньшиков М.О. Вечное воскресение (Сборник статей о Церкви и вере). – М.:

- Русский вестник, 2003. – 174 с.
26. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. – М.: Воениздат, 1991. – 224 с.
27. Антоний (Храповицкий), архиеп. Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 3. / архиеп. Антоний (Храповицкий). – СПб : Издание И. Л. Тузова. Гостиный двор, 45. – 1911. – 714 с.
28. Никон (Рождественский), архиеп. О религиозных мудрованиях г. Меньшикова // Мои дневники. Выпуск 4 / архиеп. Никон (Рождественский). – Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1914. – 205 с. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Rozhdestvenskij/moi-dnevniki-vypusk-4/2#source (дата обращения 30.08.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предложенная статья значима, прежде всего, своим информационным содержанием. Она дает информацию о неизвестных, неопубликованных работах знаменитого русского публициста М. О. Осипова и могла бы многое объяснить в его творчестве. Но автор упустил, на мой взгляд, один существенный момент, без которого приведенная информация мало о чем говорит. Этот момент – время (год или годы) написания приводимых рассуждений. Если я это пункт не заметил, или где-то это время указано (например, в аннотации, которая мне, как рецензенту, не передана), то я приношу свои извинения. Но без временных дат оценить материал трудно.

Трудность это возникает по следующим причинам.

Во-первых, любопытно понять, сколько лет было тогда автору. Если это пишет пятнадцати-шестнадцатилетний подросток, то это бесценный материал, показывающий становление мировоззрения. Но если это написано «зрелым мужем», то остается только удивляться примитивизму его рассуждений. Критика религии в них напоминает атеистическую пропаганду для пятых-шестых классов в советской школе: ненаучно, не доказано, «вредно для развития человека», «таит в себе вражду к перестройке идей», «является поиском выгоды или манипуляцией необразованными людьми» и т.п. Даже если автор статьи считает, что критика религии очень актуальна в наши дни, подобный примитивизм может только ее дискредитировать.

Во-вторых, в начале статьи автор говорит, что отношение Меньшикова к религии было неоднозначно, что оно «вызывало у церковных критиков то восторженные отклики (например, у митрополитов Антония (Владковского), Антония (Храповицкого), то жесткую негативную оценку (у архиепископов Никона (Рождественского), Николая (Зиорова))». Но в приведенных рассуждениях никакой «неоднозначности» нет, они однозначно антирелигиозны, и совершенно не понятно, что могло вызвать «восторг» у митрополитов Антония Владковского и Антония Храповицкого. Наверно, автору стоило сравнить рукописные высказывания Меньшикова о религии с теми, что были опубликованы, и как-то объяснить их различия. То ли публицист изменил свои взгляды, то ли он был т. с. «весьма осторожен»?

В-третьих, хорошо было бы показать, как связаны приведенные рассуждения Меньшикова о религии с его последующими взглядами. М. О. Меньшиков вошел в историю как консерватор, монархист и националист, причем этнического (даже расистского) толка. Наверное, это как-то связано с его т. н. «реализмом». Но связь эту следовало бы раскрыть. Иначе весь материал статьи представляется малоинтересным. Однако повторю: в статье содержится любопытная информация. Несомненную ценность

содержит анализ позитивистских влияний на взгляды Меньшикова, в частности, проведение дифференциации между английским позитивизмом (Г. Спенсером, Дж. Миллем), допускавшем «религиозные чувства», и более бескомпромиссном по отношению к религии позитивизму французским (Э. Литтре). Но опять же остается вопрос: как при симпатии к наиболее радикальным направлениям позитивизма Меньшиков сделался столь выраженным консерватором? Консерватизм все-таки обычно тяготеет к традиционализму и, следовательно, к религиозности... Может быть с Михаилом Осиповичем произошел какой-то «религиозный переворот»? Тогда об этом стоило бы упомянуть в статье.

Таким образом, статья может быть опубликована с некоторыми дополнениями и пояснениями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Влияние позитивизма на понимание сущности религии М. О. Меньшиковым (по неопубликованным записным книжкам)» выступают мировоззренческие основания творчества Меньшикова, восстанавливаемые автором статьи на основании записных книжек, дневниковых записей публициста и автобиографического очерка «Мироозерцание», написанных в 80-е годы 19 века. Особую ценность придает исследованию именно источниковая база, поскольку анализируемые работы не опубликованы, как и значительная часть рукописного наследия Меньшикова.

Методология исследования включает: герменевтический метод, используемый при анализе опубликованных и неопубликованных текстов писателя, каузальный и ретроспективный анализ, биографический и сравнительно-исторический анализ.

Актуальность исследования обусловлена в первую очередь спорностью оценок религиозности публициста, его отношения к религии и Церкви. Ставя целью своей статьи произвести анализ взглядам М. О. Меньшикова на сущность религии с позиции влияния на них позитивизма, автор, тем самым затрагивает более широкую проблему, чем изучение взглядов отдельного исторического лица, а именно – изучение влияния идей позитивистского движения на российскую интеллигенцию и духовные процессы в обществе в целом. При этом следует учесть, что мировоззрение Меньшикова, его философские идеи, остаются недостаточно изученными и представленное исследование способствует осмыслиению творчества этого оригинального мыслителя.

Научная новизна заключается в подробном анализе влияния позитивизма на оценку религии Меньшиковым, в установлении общих мест в мировоззрении Меньшикова и «столпов» западного позитивизма: О. Конта, Г. Спенсера, Э. Литтре, Г. Милля, Харрисона.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Автор уместно останавливается на различии понятия «религия» в узком и широком смысле, поскольку эта разница оказывается существенной для позиции Меньшикова. В узком смысле религия понимается им как верование в сверхъестественное, в широком – как любая система мироозерцания. Учитывая это, автор показывает, как меняются взгляды публициста на религию, как различаются его приватные и публичные высказывания на этот счет.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют заявленной проблеме. Автор

последовательно демонстрирует, что влияние позитивизма на формирование взгляда Меньшикова на сущность религии не было абсолютным, а дополнялось общерационалистическими принципами. Осмысление религии публицистом, включает его отказ от метафизического понимания ее сущности, и одновременно, признании «естественной религиозности», коренящейся в психологии человека. Принцип эволюционизма, разделяемый Меньшиковым с первым позитивизмом, соседствует у него с непринятием агностицизма, который был тогда свойственен позитивистской философии.

Библиография статьи включает 28 наименований, в которые входят и архивные материалы.

Апелляция к оппонентам присутствует в недостаточной мере. Автор в начале статьи упоминает имена исследователей, образующихся к изучению наследия Меньшикова - Саньковой С. М., Крижановского Н. И., Иванова А. А., Каграманова Ю., Камнева В. М., Репникова А. В., Трофимова В. Б., и т.д., однако в самой работе никаких ссылок к оценкам обсуждаемой темы другими исследователями не присутствует.

Статья вызовет интерес у исследователей и поклонников творчества Меньшикова, будет интересна всем, занимающимся изучением русской общественно-философской мысли.